

ВОПРОСЫ ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА УРАРТУ

Доктор архитектуры К. Л. ОГАНЕСЯН

Систематические археологические раскопки, произведенные за последние десятилетия на исторических территориях Урарту, дали громадный материал, доходящий до документальной точности, по экономической и культурной жизни этого древнейшего государства, существовавшего на территории нашей страны. Одним из достижений урартской культуры является градостроительство, которое представляется арсеналом эмпирически, а затем и исторически обоснованных поучительных проблем древнего мастерства в данной области. Градостроительная традиция Урарту заложена в тех его давно отшумевших, а теперь лежащих в руинах городах, покрытых толстым слоем наносной земли, былая слава многих из которых в огне боевых столкновений закончилась драматическим эпилогом, или же в тех, которые, продолжая историческую жизнь в своем эволюционном развитии, проявились в новой объемно-пространственной структуре. А это означает, что живущий с времен своего основания непрерывным и длительным процессом постоянного развития древнейший город является глубоко историческим образованием. Древневосточный город—это материализованное историческое образование пространственной среды, в которой формировался человек, создавая в ней нужные для себя условия быта.

Классификация и структура урартских городов. По социально-экономическим, политическим признакам и некоторым чертам локального своеобразия урартские города можно подразделить на резиденциальные, административно-хозяйственные, военные и культовые. Нам не во всех случаях известны их детальные градостроительные характеристики, однако в аспекте такой классификации критерии для суждений об этих городах в целом явственны. К резиденциальным городам относятся Арзашку, Тушпа, Русахинили (на Топрах-кале); к административно-хозяйственным—Алтын-тепе, Аргиштихинили, Аништания, Тешшебаини, Алавердикенд и др.; к военным—Эребунни, Бастам, Зернаки-тепе и др.; к культовым—Мусасир, Кумену и др.

Пространственные строения этих городов, хотя и не всегда до конца выявленные, все же довольно четко различаются по следующим типам планировки: свободная, регулярная, смешанная и террасообразная. Свободная, или произвольная, планировка городов самая распространенная, возникающая стихийно. Она учитывает лишь непреодолимые топографические капризы рельефа и уже существующую застройку, с которой она увязывается. В таких городах можно видеть изолированно стоящие дома усадебного типа и дома, как бы хаотично прижатые друг к другу, где границы улиц скорее определяются контурами застроек домов, чем наоборот. Это наглядно видно на генеральных планах Аргиштихинили, Бастамы (рис. 1₁), Кале-Исмаил-ага (рис. 1₂), Душгага и др.

Регулярная планировка городов определяется правильной сеткой улиц, а часто и типовыми решениями жилых кварталов, что четко зафиксировано в Зернаки-тепе, городе военного назначения¹ (рис. 2₃). Поскольку градостроительная ситуация здесь обуславливалась войсковыми потребностями, то жилые дома стоят четким армейским строем, по единой программе застройки, приближаясь к казарменному режиму. В целом же в Зернаки-тепе налицо аналогия с более поздними Милетом и Книдом на берегах Эгейского моря, римским Тимгадом в Северной Африке, селевкидским Дюра-

¹ С. А. Burney, G. R. I. Lawson. Measured plans of urartian fortresses.—Anatolian studies. X. 1960, pp. 177—198.

Европос на Евфрате и др., а также с более ранним примером, приведенным в индийском сборнике «Шильпашастра». Однако среди этих аналогов нет типизирующих начал для жилых домов, какие видим в Зернаки-тепе. Поэтому следует подчеркнуть, что принципы комплексного решения городского организма Зернаки-тепе (планировка и жилые дома)—важное достижение градостроительной культуры Урарту и один из древнейших примеров такого решения. И хотя эволюция этой градостроительной

Рис. 1

структуры пока не зафиксирована археологией, кроме, может быть, внешнего города Аязф-кале, на который указывают Барни и Лоусон, но зрелость структуры Зернаки-тепе уже получила признание.

При смешанной планировке строгую застройку имеют лишь несколько центральных улиц, а в остальном город застраивается иррегулярно. Такая планировка характерна для Тейшебаини (рис. 2₂). Здесь из трех раскрытых улиц средней части города две идут почти параллельно (одна из них имеет ширину 5,57 м) и пересекаются более широкой улицей (9,46 м); размеры улиц вполне соответствуют древневосточным градостроительным нормам. Примечательностью Тейшебаини являются большие каменные глыбы, которые фиксируют углы жилых кварталов, перенося на местность планировочную структуру строящегося города. Это показывает, что Тейшебаини возник на основе предварительно составленного генерального плана, и также свидетельствует о зрелости градостроительства Урарту.

И последняя застройка—террасная, которая характерна для горной архитектуры. В длинном ряду примеров такой застройки видим Мусасир на известном ассирийском рельефе, Киз-калеси в Евоглю (рис. 2₁) и Айкаберд по описанию акад. И. А. Орбели. При террасной застройке объемы отдельных домов включаются в композиционное построение всего городского организма, зрительно они воспринимаются как

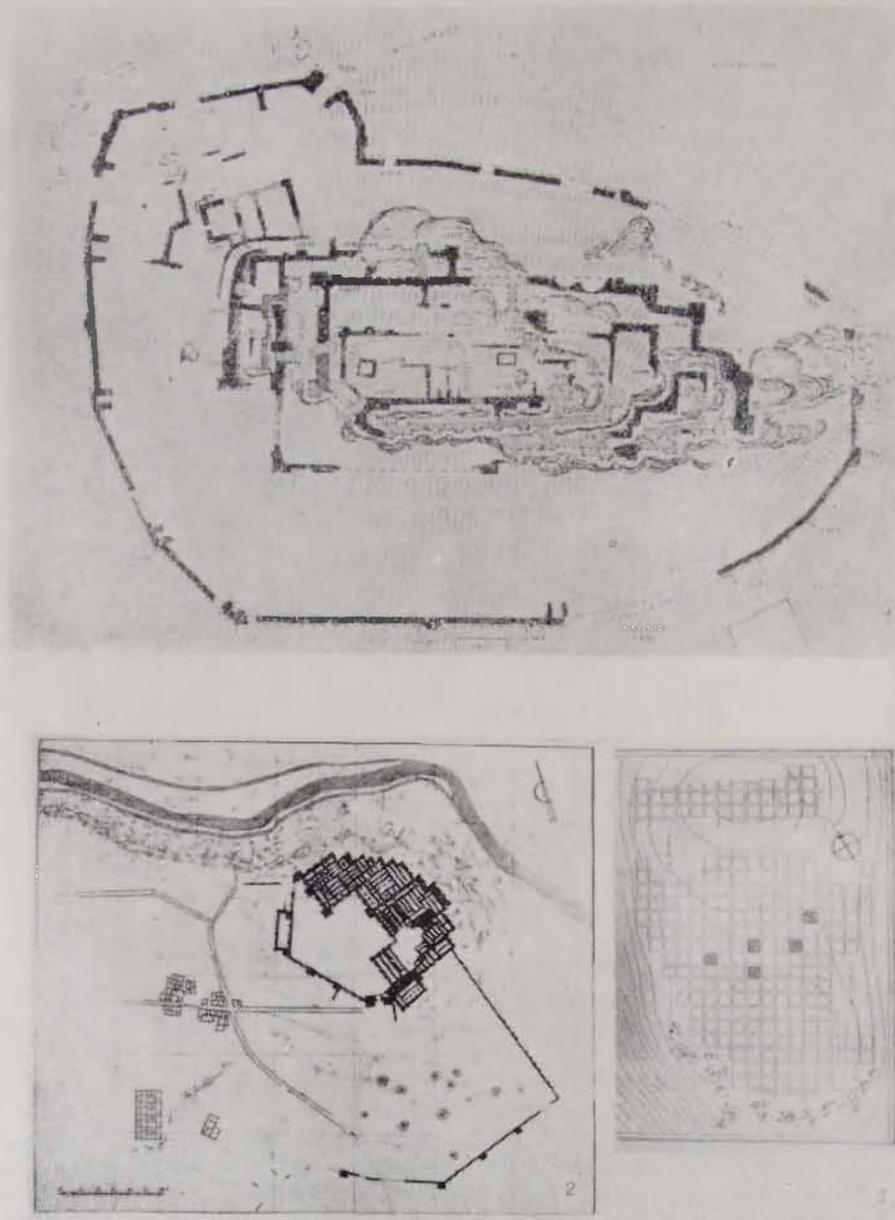

Рис. 2

единое монументальное целое. Может быть, поэтому дома, изображенные на мусасирском рельефе, рассматриваются исследователями не как террасные, а как многоэтажные сооружения. Что же касается многоэтажных домов, то и они существовали в городах Урарту (рис. 3). Террасная застройка имеет устойчивую традицию в горных районах, она налицо, например, в современной зангезурской строительной практике.

Стратегические принципы урартского градостроительства. Для урартского градостроительства характерен выбор территории будущего города. Эта особенность поддается сведениями Саргона II, согласно которым урартские города, стоявшие на стратегических магистральных путях, были зрительно увязаны между собой сигнальными огнями костров. Специально для этой цели, как сообщает ассирийский царь, были «утверждены башни на горных вершинах», с высоты которых светился огонь, причем за ним «утром и вечером», т. е. систематически, вели наблюдение специальные дозорные².

В связи с такой стратегической необходимостью башенные сооружения, эти вертикально-объемные пространственные композиции, воздвигались в городах, преимущественно на высоких холмах цитаделей, где они, кстати, не только имели указанную функцию, но и оформляли городской силуэт. Между тем не всегда города находились на нужных расстояниях и местах, поэтому там, где прерывалась зрительная связь между городами, для поддержания этой связи сооружались отдельно стоящие башенные постройки. Глиняная модель такой башни известна по раскопкам Тейшебаини, сохранилось немало аналогичных рисунков на разных бытовых предметах. Натурные остатки таких сооружений найдены в Дашпатлу, Аграт-тепе; известны также круглые в плане башни, остатки которых сохранились по обе стороны древней дороги в горах южнее Сардары (Иран). Архитектурные объемы этих башен создавали ритмично-осевое движение в пространстве между населенными пунктами, стоящими на стратегических магистральных путях. В древнем мире связь городов при помощи сигнальных огней широко использовалась также в Ассирии и у инков в Америке. В близкое к нам время такая связь между крепостями до XVIII века осуществлялась в Грузии.

К стратегическим аспектам градостроительства Урарту относится и сама планировочная структура его городов. При рассмотрении этого вопроса прежде всего следует иметь в виду, что в урартских городах явно ощущалась земельная теснота, создавшая искусственно; лимитированный земельный фонд в них был результатом именно стратегических соображений. Последние преграждали путь к расширению городской территории, поскольку в этом случае удлинялась бы линия крепостных стен и тем ослаблялась бы обороноспособность городов. Примечательны в связи с этим рассуждения Аристотеля, который считал, что планировка должна вестись так, чтобы в городе трудно было ориентироваться как наемным войскам, так и нападающим, и при этом была бы сохранена не только безопасность, но и благообразие города⁴. Эти соображения характерны для стратегического мышления эллинского мира (близкого к древневосточному).

Наряду с внешними стенами в урартских городах обнаружены также стены, членившие город на отдельные части. Оборонное назначение этих стен—затруднить продвижение по городу прорвавшегося в него противника и вынудить его штурмовать город по частям; это предусматривалось и в градостроительной практике Хаттусаса, Самалы и др. и вполне соотносится с более поздними рекомендациями Аристотеля. Внутренние стены обеспечивали в Урарту, как и в других древневосточных странах, также изоляцию и защиту дворцов от подвластного заместителем городского населения. Таким образом, они хотя и косвенно, но довольно определенно говорят о существовавших в урартских городах больших и серьезных социальных взрывов, какие известны и в других древневосточных городах.

По мнению Б. Б. Пиотровского, основное население Тейшебаини составляли представители урартской администрации, воины, ремесленники, земледельцы, жречество,

² И. М. Дьяконов. АВИИУ 2, с. 328—329.

³ П. П. Закарая. Фортификационные сооружения Кахетии (на груз. яз.). Тбилиси, 1962, с. 213.

⁴ Политика Аристотеля. Пер. С. А. Жебелева. М., 1911, с. 326.

возможно и пленные⁵. Следовательно, в урартских городах видна их классовая структура, которая довольно четко отразилась, в частности, в жилищной архитектуре. Замкнутый в себе жилой дом, будучи средоточием быта древневосточной семьи, является историческим образованием, основанным на длительном эволюционном процессе. Причем жилищное строительство в Урарту имело две довольно четкие социальные программы. Одна из них создавала архитектурно-пространственный организм для бытовых процессов семьи с ее хозяйственной основой, а другая служила потребностям меньшей части общества, находящейся на государственном довольствии. Мы имеем в виду военных и лиц, принадлежащих к высшей администрации. Именно для них создавался соответствующий тип жилого дома, который определялся требованиями государственной власти. В этом проявлялись типовые начала планировки городских жилых домов, а также их многоэтажность. Жилищная программа для типовых государственных домов определялась единым стандартом, что хорошо видно по секционному дому в Тейшебаани. Такие дома, принадлежавшие государственному фонду, не подлежали реконструкциям в сторону расширения и деления (что часто практиковалось).

Урартские города имели довольно четкую структуру. Города обычно лежали вокруг высоких холмов, на которых возвышались цитадели со своими дворцами, храмами, складами, амбарами; часто на их склонах устраивались усыпальницы (Алтын-тепе, Каялидере). Такая структура городов не была обязательной для градостроительства равнинной Месопотамии. Примечательно, что холм Тель-акур, обследованный нами на месте, не привлек внимания основателей Калху (Нимруд): город был сооружен в 6 км от Тель-акура, мимо градостроительных возможностей которого не прошли бы строители Урарту. Однако отметим попутно, что спустя 7 лет после своего похода в Урарту, в 714 г. до н. э. Саргон II основывает новую столицу Ассирии Дур-Шаррукин (совр. Норсабад), дворцовый комплекс которой возведен на террасе высотой в 14 м. Такая высота, возможно, обусловлена урартским влиянием. Заимствование рациональных иноземных архитектурных форм характерно для Саргона, если вспомнить воспроизведение им в своем дворце форм Бит-хилани; другой пример—строительство Навуходносорома висячих садов Семирамиды по мидийскому образцу. Урартскому градостроительству более близкими, чем ассирийские, были традиции горной архитектуры хеттов, а в особенности соседней Хайасы-Аззи, что видно на примерах Хаттусаса, как и крепости Арипсу и города Ура Хайасы-Аззи.

Слово URU в урартских клинообразных надписях означает «населенный пункт» вообще, независимо от его величины или значения. Только так можно понять тот факт, что обладающие слабой маневренностью древневосточные армии весьма быстро

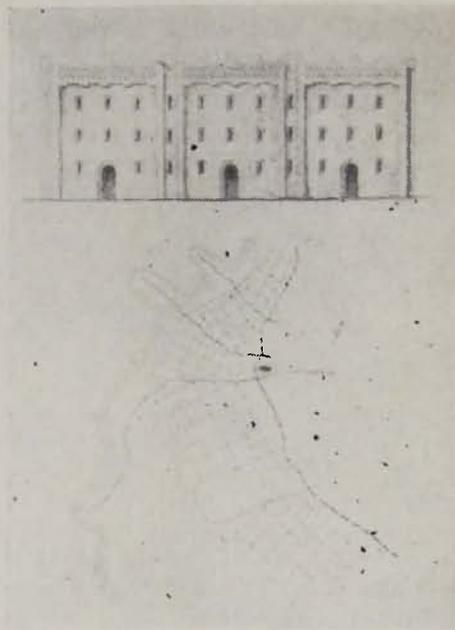

Рис. 3

⁵ Б. Б. Пиотровский. Кармир-блур II. Результаты работ археологической экспедиции. Ереван, 1952, с. 10.

захватывали большое число «городов». Например, Сардури II в стране Игани всего лишь за один день захватывает 200 городов и 35 крепостей. В то же время в своей надписи на обломке скалы в Секенделе, в 30 км западнее от Ахара (Иран), у доурартской крепости Либлиуни Сардури говорит: «...я взял 21 крепость, в один день победил я 55 городов, царский город Либлиуни, который был укреплен, я взял в бою...»⁶ Следовательно, один только Либлиуни был укреплен и за него пришлось вести бой. Аналогичных пояснений в надписях Сардури II немало. Вывод однозначен—не все города были укреплены, а эти последние, как правило, захватывались в значительно меньшем количестве, чем незащищенные URU. В этом смысле количественное соотношение захваченных городов и поселений подтверждает их взаимосвязь. Известно, что одна крепость или укрепленный город имели вокруг себя несколько URU. Такой была, например, крепость Аништаниа, которая имела вокруг 17 URU. В эту пространственную систему входили также ирригационные каналы, поля, пастбища, сады, леса, которые в целом составляли крупные аграрные центры, обладающие огромным сельскохозяйственным богатством, о котором так живописно говорится в сообщении о восьмом походе Саргона II против Урарту. Эти центры были царской (государственной) или храмовой собственностью и представляли собой большие сельскохозяйственные агломерации. Как указывал Ф. Энгельс, земледелие на древнем Востоке «построено главным образом на искусственном орошении, а это орошение является уже делом общины, области или центральной власти»⁷. О справедливости этого указания говорят многие и поныне действующие системы ирригационных каналов в древних городах, с соответствующими строительными надписями. Можно привести немало примеров аналогичных агломераций и вне Урарту. Так, в анналах Сичаххериба читаем: «...силою Ашура, моего господина, 75 городов его могучих крепостей, что в Халдее, и 420 мелких селений, что в их окрестностях, я окружил, завоевал...»⁸

Все эти факты подтверждают, что в Урарту, как и в других древневосточных странах, вокруг укрепленного царского города были раскинута населенные пункты сельскохозяйственного профиля, в которых и заключался его экономический потенциал. Связь между этими укрепленными городами и сельскохозяйственной округой обуславливалась и основывалась на этом экономическом потенциале. А он был значительным, о чем можно судить не только по археологическим раскопкам, но и по ассирийским источникам. Некоторая часть продукции почти всегда перерабатывалась на месте.

Широкое внедрение в хозяйственную жизнь страны получило металлургическое производство, которое послужило росту производительных сил Урарту. Развитие экономической жизни было также стимулом для развития межгосударственных торговых связей, которые протянулись во многие древневосточные страны. Дороги, служившие и военным целям, охранялись и имели на своем протяжении подсобные сооружения: укрепленные форты для их обслуживания и охраны (Аграп-тепе, Узуб-тепе), колодцы с питьевой водой (Зждаха Булаки)⁹.

Итак, вокруг крупных и укрепленных урартских городов создавались аграрно-экономические комплексы, которые в градостроительном аспекте представляли собой сеть сельских поселений. Следовательно, укрепленный город с раскинутыми вокруг него URU, со своими ирригационными системами и перечисленными выше хозяйствами, являлся единым административным экономическим районом. Эта единая градо-

⁶ М. Сальвини. Уточнения в чтении двух урартских надписей в иранском Азербайджане.— В кн.: Древний Восток и мировая культура. М., 1981, с. 72—73.

⁷ К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 21, с. 494.

⁸ Хрестоматия по истории Древнего Востока. М., 1963, с. 221.

⁹ М. Сальвини. Указ. соч., с. 69—73.

строительная агломерация, вероятно, именовалась *asipi*—«область города»¹⁰. Обратимся теперь к некоторым из *asipi*.

Мы полагаем, что город Эребуни, будучи мощным военным центром, в то же время был крупным *asipi*, т. е. областным городом в завоеванном урартами регионе страны Аза. При основании Эребуни в этом регионе еще не существовали такие крупные экзоэкономические агломерации, какими впоследствии стали Аргиштихинили и Тейшебаини. Первый был основан через 6 лет после Эребуни, а последний—через столетие. Побудительными причинами основания Эребуни как крупной военно-стратегической базы послужили прежде всего экономические соображения. Эребуни строился в богатом металлургическом районе, где находились рудники Мецамора, Алаверди и Зангезура.

Мецаморские рудники в то время уже были широко известны древнему миру. Возможно, в них заложена одна из притягательных причин завоевания Азы со стороны Урарту. Эта страна привлекала к себе внимание урартов; еще когда Менуа, достигнув правого берега Аракса, основал там плацдарм, названный Менуахинили, который для Аргишти I послужил трамплином при завоеваниях на левобережной территории Аракса. Алавердские рудники, которые также разрабатывались с древнейших времен и окружены многочисленными археологическими объектами эпохи бронзы, также должны были находиться в сфере экономических интересов Урарту. Что касается Зангезурских рудников, то, как выясняется, и они были известны урартам. Об этом говорит клинопись Аргишти II, обнаруженная в 1975 году в 17 км западнее современного Сисиача; в ней среди ряда населенных пунктов упоминается город Ирдуа. Нет других веских причин, объясняющих необходимость проникновения урартов в столь отдаленный горный уголок, кроме как овладение его металлургическими богатствами.

Крепость Эребуни, находясь в средней части металлургической агломерации, в которой Мецамор, Алаверди и Зангезур образовывали треугольник, несла функции их военного обеспечения. Другая урартская крепость, основанная Аргишти I в районе современного Ленинакана, и крепость, построенная Сардури II восточнее города Урисуни, как стратегические опоры могли предназначаться и для защиты алавердских рудников. В этой ситуации, безусловно заслуживает внимания тот факт, что Аргишти I, овладев территорией страны Аза, одновременно оснащает ее рабочей силой, перебрасывая ее из дальних стран, из Хате и Цупани, что в северной излучине р. Евфрат, в Сирии. Аргишти переселил оттуда в Эребуни 6600 человек.

Как полагает Г. А. Меликишвили, поскольку в урартских надписях по отношению к пленным мужчинам термины *'ase* «мужчина» и *gipusini* «воин» применялись в равной мере, следовательно, при упоминании 6600 человек речь не касалась военных аспектов, и в этом смысле мы с ним согласны. Но мы отвергаем все предположения, в том числе свои ранние утверждения, о том, что эти 6600 человек предназначались для ведения строительных работ в Эребуни. Вряд ли здесь ощущалась такая нехватка в рабочей силе, что строителей надо было переселять из далекой Сирии. Между тем в клинописи Аргишти привлекает внимание еще одна особенность. В ней не говорится, что этих 6600 человек царь «пригнал» сюда, как это обычно делалось в применении к пленным, здесь стоит деликатное слово «поселил»¹¹. Кем же могли быть эти 6600 человек и какова была их профессиональная характеристика?

Поскольку они были переселены из Сирии, страны с развитой металлургической промышленностью, в страну, где эта промышленность переживала новый подъем, то, надо полагать, они являлись металлургами и должны были развивать эту промышленность в эребунийской агломерации. А эта агломерация в стратегическом плане имела

¹⁰ Н. В. Арутюнян. Заметки по урартской эпиграфике.—В кн.: Древний Восток и мировая культура. М., 1981, с. 76; *Ե. Չ. Հարոսթրատի և Մանուկ Աբեղյանի 11-ի նորահայտ սեպագիրքը*.—«Պատմա-քննադրական հանդես», 1979, № 3:

¹¹ Г. А. Меликишвили. УЖН, с. 250.

для Урарту много преимуществ по сравнению с Сирией и другими районами Передней Азии, удерживать которые в своих руках можно было лишь постоянными войнами с Ассирией, и то с переменным успехом. Эребуни же, лежавший далеко на севере от беспокойных ассирийских границ, не находился под непосредственной угрозой ассирийского вторжения и захвата и поэтому был надежной базой металлургического производства для Урарту. То, что Аргишти I направляет упомянутых 6600 человек прямо в Эребуни, а не непосредственно в районы рудников, подтверждает наше предположение, что Эребуни в данной металлургической агломерации был ее административным центром¹².

Надо полагать, именно для такой мощной металлургической агломерации, через 6 лет после основания Эребуни, здесь был создан большой сельскохозяйственный регион Аргиштихинили, а спустя столетие—Тейшебаини. Оба эти города являлись главными административными центрами своих областей, т. е. экономическими агломерациями со своими сельскими поселениями, раскинутыми вокруг них. Следовательно, в стране бытовали две основные формы населенных мест: главные и укрепленные города области, т. е. asuni, и сельские поселения URU. Такая градостроительная организация региона была известна и ассирийцам. У Синаххериба, например, сказано: «75 городов его могучих крепостей, что в Халдее, и 420 мелких селений, что в их окрестностях...» А в Сирии Синаххериб видел «46 городов его могучих крепостей и мелкие селения, что в их окрестностях, которым нет числа»¹³.

Город Аргиштихинили, основанный Аргишти I в 776 г. до н. э. на плодородных землях Араратской равнины, превратился в важнейший после ванского района экономический центр страны. При развитой организации оросительной системы Аргиштихинили и Тейшебаини дали урартам большие материальные выгоды. Именно потому эти экономические регионы, надо полагать, находились под мощной защитой крепости Эребуни. Это не трудно принять, если иметь в виду сообщение Аргишти I в его клинописи из района Армавира о том, что страна Аза была для урартов «вражеской землей». А если так, то не вызывает сомнения, что расположенные здесь оба экономических региона нуждались в военной защите.

Аргиштихинили, как и ряд других городов страны, имел две цитадели—Армавир и Давти-сар, возвышающиеся на смежных холмах¹⁴. Такая градостроительная ситуация основывалась на тактических соображениях, требующих включить в единую структуру городов все без исключения близлежащие топографические акценты, превратив их в опорные пункты оперативных действий при обороне. Кроме этих цитаделей и жилых построек у их подножия, вокруг Аргиштихинили были раскинуты земельные угодья, прорезанные сетью ирригационных каналов, которые орошали, как полагает А. Мартиросян, около 10.000 гектаров земли. В данную экономическую агломерацию входили и сельские поселения, лежавшие вдали от ее ядра. Одним из таких древних поселений было тогда село Арагац Эчмиадзинского р-на. Оно имело небольшую двухэтажную постройку дворцового типа, прямоугольную в плане с башнями на углах, с контрфорсами между ними, и возвышалась на скальном выходе. К жилым домам на территории поселения прилегали значительные земельные угодья. Это одно из тех поселений, которые составляли основу экономики сельскохозяйственной агломерации.

Видимо, такая структура была узаконенной градостроительной формой урартских агломераций. Это хорошо подтверждается близкими аналогами, которые мы видим в восточных провинциях Урарту, в частности на территории современного Ирана. Здесь,

¹² Возможно, название *Эребуни* в связи с этим происходит от Eḡēbanī, т. е. «медная страна»: eḡū (медь по-ассирийски) + ebanī (страна).

¹³ Хрестоматия по истории Древнего Востока, с. 225.

¹⁴ А. А. Мартиросян. Аргиштихинили. Ереван, 1944; Г. А. Тирацян. Урартский Армавир (по данным археологических раскопок).—В кн.: Культура Востока. Л., 1978, с. 106—112.

севернее озера Урмия, стояла большая военная крепость у Бастама, построенная Русой II и в свое время бывшая не менее мощной, чем крепость Эребуни. В этом районе находился также ряд крупных крепостей: Верахрам, Ливар, Алавердикенд и др., которые нам представляются в виде упомянутых *asuni*.

Наиболее характерный из них Алавердикенд расположен в 20 км восточнее Бастама, на высоком холме¹⁵. В плане эта крепость, при размере 134×152 м, представляет собой изломанный овал, очерченный мощной стеной с контрфорсами; с внутренней стороны стена была застроена помещениями. В средней части двора возвышалось прямоугольное здание с башнями на углах и небольшим двориком. Примечательно, что соседний холм, возвышающийся юго-западнее, имеет следы строений, жилые дома, раскинутые между обеими высотами, и проходящие мимо ирригационные каналы. Следовательно, налицо идентичная с Аргиштихинили градостроительная ситуация.

Как показали исследования местности В. Клейсом, эта оросительная система шла в район Алавердикенда под защитой военной крепости Бастам из Акчая. Кроме того, в 3-х км от Алавердикенда расположена небольшая крепость Узуб-тепе, как полагает Клейс, контролирующая местность с целью охраны ирригационной системы. Вокруг Алавердикенда находятся обрабатывавшиеся урартские сельскохозяйственные территории, четко разграниченные камнями на довольно ровные прямоугольники размером 40 (50)×75 м, как это умели делать пунктуальные в вопросах учета урарты. Это первый наглядный дошедший до нас пример регламентированной системы использования земельного пространства для его сельскохозяйственной обработки (рис. 3₂). В Алавердикендском районе, как и в Аргиштихинили и Тейшебаини, имелись сельскохозяйственные поселки, например Тюрки-тепе, Душгаги, составлявшие потенциальную основу агломерации. Эти поселения, аналогичные Арагацу, состоят из скученных жилых домов, а Тюрки-тепе, который во многом сходен с Арагацем, имеет также небольшую укрепленную постройку дворцового типа¹⁶.

Во всех этих урартских агломерациях налицо установившаяся градостроительная структура: центры агломераций—укрепленные города, и раскинутые по региону поселения сельскохозяйственного профиля, металлургические рудники, поля, сады, ирригационные каналы; и все это под защитой военных крепостей. Это означает, что градостроительные системы в Урарту получили определенное выражение в пределах не только самих городских образований, но и целых экономических агломерации. Подводя итог сказанному, можно заключить, что урартское градостроительство в своих лучших образцах придавало композиционное многообразие пространственной структуре городов и в то же время—некоторые типизирующие начала как городам, так и объемным архитектурным сооружениям. Это делалось на основе эмпирических поисков и находок рациональных решений. Можно видеть, что градостроительство в Урарту было административно-технической проблемой, связанной с экономикой государства и потребностями военного характера.

Большая общность между пространственной структурой урартских городов и структурой позднейших городов Армении говорит о преемственности урартской градостроительной традиции у армян, продолживших, однако, эту предшествующую ступень развития новыми процессами эволюционного роста. Можно отметить целый ряд урартских городов, на руинах которых были воздвигнуты города Армении; в других случаях армянские города, продолжая жизнь урартских в своем эволюционном обновлении, создавали градостроительные симбиозы. Таким образом, основополагающая роль урартских градостроительных систем для последующих модернизаций в армянских городах проявилась в них признаками новых возвышений. Или же, как

¹⁵ W. Kleiss. *Archäologische Mitteilungen aus Iran*. Bd 10. Berlin, 1977 SS. 57—61.

¹⁶ Там же. с. 62—64.

говорил о градостроительстве А. Бринкман, «придерживаться традиции—значит воспринять то, что досталось в наследие, и умножать это наследие»¹⁷.

Таких городов в Армении много. Один из них—Малазкерт (ныне на территории Гурции), находящийся у верхнего течения реки Арацанис, что северо-западнее Ванского озера. Здесь сохранилась клинопись Менау, которая подтверждает урартское происхождение города. Исследователи в связи с этим видят в его имени первоначальную форму *Менуас-а-керт*¹⁸. Но даже без этого клинописного подтверждения пространственная градостроительная композиция Малазкерта, несмотря на средневековые реконструкции, убедительно свидетельствует о своих урартских корнях. Город стоит на территории в виде треугольника, обращенного на восток, и воздвигнут до высоты 30 м над слоем лавы с Сипана. Общая площадь города размером 450×650 м заключена в крепостные стены, кое-где идущие в два ряда, с выступающими башнями. Как и все урартские города, Малазкерт имеет цитадель, прямоугольную в плане, также заключенную в крепостные стены, с подчеркнутым входом (его фланкируют мощные башни), напоминающим кармир-блурские главные ворота. Примечательно и то, что в юго-восточном углу цитадели стояла довольно большая и капитально сооруженная шестигранная башня, служившая, видимо, наблюдательным пучком; башни для урартских городов также были характерной вертикальной объемной композицией. Описывая город, Х. Линч пришел к выводу, что «местоположение и характер укреплений и их диспозиция сильно напоминает Трапезонд»; «было бы очень интересно определить, — продолжает Линч, — чем объяснить это сходство»¹⁹. Теперь уже можно дать этому объяснение, поскольку достоверно установлено, что градостроительная ориентация городов, возникавших на исторических территориях Урарту, всегда воплощает его архитектурные традиции, в чем и заключаются их отличительные признаки (хотя и не всегда импульсы этих преемственных связей четко обнаруживаются).

Таков и Ахлат, или Хлат, на северо-западном берегу Ванского озера²⁰. Расположение цитадели в черте этого города и его фортификационные сооружения с башнями и контрфорсами, возможно, являются позднейшей реконструкцией, но их урартская градостроительная основа довольно убедительно дает о себе знать. В этой связи можно отметить целый ряд городов, в том числе урартский Аргиштихинили, на месте которого, продолжая его историческую жизнь, раскинулась столица древней Армении Армавир²¹.

Урартские градостроительные традиции проявляются не только в тех армянских городах, которые основывались на урартских городских территориях и обнаруживают элементы архитектурного симбиоза. Следы архаических форм проглядывают и в городах, возникавших на свободных от построек территориях. Так, спустя почти десять столетий после Урарту древнеармянская столица Двин, как сообщает историк Лазар Парбеци (и как это теперь хорошо видно по остаткам раскопанного города²²), имела дворец на возвышенности, доминирующий над остальной частью города, т. е. традиционную урартскую градостроительную структуру. Спустя еще пять столетий в средневековой столице Армении Ани вновь проявляется такая пространственная композиция: на возвышенной части треугольной площади, служащей как бы грандиозным этилобатом, стоял дворец Багратидов, который был обращен с одной стороны к глу-

17 А. Бринкман. Градостроительство от эпохи классицизма до наших дней.—В кн.: История архитектуры в избранных отрывках. М., 1935, с. 426.

18 Н. В. Арутюнян. Бнайнили. Ереван, 1970, с. 388.

19 Х. Ф. Б. Линч. Армения. Путевые очерки и этюды. Т. 2. Тифлис, 1910, с. 346—352.

20 Там же, с. 364—376.

21 А. А. Мартиросян. Указ соч.; Г. А. Тирацян. Указ соч.

22 Հարր Ղաֆաղաշի. Դժին քաղաքը և նրա պեղումները. Հ. I, Երևան, 1952. Հ. II, 1952.

ձևով փակված քաղաքները կառուցված էին բարձր բլուրների շուրջը, որոնց վրա վեր էին լիտյանում հզոր պարիսպներով շրջափակված մոնումենտալ շենքերը՝ պալատներ, տաճարներ, իրենց հարուստ շտեմարաններով: Ուրարտական քաղաքները գասակարգվում են ըստ նշանակության: Թաղավորանիստ քաղաքներից բացի կային վարչատնտեսական, ռազմական ու պաշտամունքային կենտրոններ: Քաղաքների թաղամասերը սլարիսպներով բաժանվում էին առանձին հատվածների՝ ներխուժած թշնամու ազատ տեղաշարժերը խափանելու նպատակով: Այլ պարիսպներն ապահովում էին նաև պալատների մեկուսացումը քաղաքի բնակիչներից, ինչն արդեն խոսում է գասակարգային ներքին սուր հակասությունների ու բախումների առկայության մասին: Ըստ հատակագծային լուծումների ուրարտական քաղաքներում առկա են՝ ազատ հատակագծման (Արգիշտիխիլի, Բաստամ), երկրաչափական կանոնավոր ցանցի (Ձերձակի-թեփե), խառը կառուցապատման (Թեյշերախի) և տերասային (Մուսասիր, Հայկաբրդ) համակարգեր: Քաղաքների շուրջը լինում էին բազմաթիվ գլուղական ավաններ, ուսուցիչ դպրոցներ, ցանքատարածություններ ու այգիներ, որ կազմում էին միացյալ տնտեսական ավտոմեքանիստների պոտենցիալ հիմքը և կոչվում են ASUNI: Գրանցից էին մեր կարծիքով, Արգիշտիխիլին Արարատյան դաշտում, Ալավերդիքենդը Ուրմիա լճից հյուսիս և մյուսները: Հաստատվում է նաև, որ նման տնտեսական միավորումները գտնվում էին ռազմական քաղաքների հովանու ներքո, Արգիշտիխիլին՝ էրեբունի, Ալավերդիքենդը՝ Բաստամի: Այն մեծ ընդհանրությունը, որը գոյություն ունի ուրարտական ու հետագա հայկական քաղաքների ծավալատարածական հորինվածքների միջև, հաստատում է ուրարտական քաղաքաշինության ավանդույթների ընդօրինակությունը հայերի կողմից (Դվին, Անի, Կարս):

ՈՒՐԱՐՏԱԿԱՆ ՔԱՂԱՔԱՇԻՆՈՒԹՅԱՆ ՀԱՐՑՆԵՐ

Ճարտարապետության դոկտոր Կ. Լ. ՀՈՎԱՆՆԻՍՅԱՆ

(Ա մ ֆ ո փ ո մ)

Ուրարտական քաղաքները կառուցված էին բարձր բլուրների շուրջը, որոնց վրա վեր էին լիտյանում հզոր պարիսպներով շրջափակված մոնումենտալ շենքերը՝ պալատներ, տաճարներ, իրենց հարուստ շտեմարաններով: Ուրարտական քաղաքները գասակարգվում են ըստ նշանակության: Թաղավորանիստ քաղաքներից բացի կային վարչատնտեսական, ռազմական ու պաշտամունքային կենտրոններ: Քաղաքների թաղամասերը սլարիսպներով բաժանվում էին առանձին հատվածների՝ ներխուժած թշնամու ազատ տեղաշարժերը խափանելու նպատակով: Այլ պարիսպներն ապահովում էին նաև պալատների մեկուսացումը քաղաքի բնակիչներից, ինչն արդեն խոսում է գասակարգային ներքին սուր հակասությունների ու բախումների առկայության մասին: Ըստ հատակագծային լուծումների ուրարտական քաղաքներում առկա են՝ ազատ հատակագծման (Արգիշտիխիլի, Բաստամ), երկրաչափական կանոնավոր ցանցի (Ձերձակի-թեփե), խառը կառուցապատման (Թեյշերախի) և տերասային (Մուսասիր, Հայկաբրդ) համակարգեր: Քաղաքների շուրջը լինում էին բազմաթիվ գլուղական ավաններ, ուսուցիչ դպրոցներ, ցանքատարածություններ ու այգիներ, որ կազմում էին միացյալ տնտեսական ավտոմեքանիստների պոտենցիալ հիմքը և կոչվում են ASUNI: Գրանցից էին մեր կարծիքով, Արգիշտիխիլին Արարատյան դաշտում, Ալավերդիքենդը Ուրմիա լճից հյուսիս և մյուսները: Հաստատվում է նաև, որ նման տնտեսական միավորումները գտնվում էին ռազմական քաղաքների հովանու ներքո, Արգիշտիխիլին՝ էրեբունի, Ալավերդիքենդը՝ Բաստամի: Այն մեծ ընդհանրությունը, որը գոյություն ունի ուրարտական ու հետագա հայկական քաղաքների ծավալատարածական հորինվածքների միջև, հաստատում է ուրարտական քաղաքաշինության ավանդույթների ընդօրինակությունը հայերի կողմից (Դվին, Անի, Կարս):